

Талант двойного зрения

Друзья признавали за ним «почетное и возвышенное место первого поэта эмиграции», а Зинаида Гиппиус считала «идеалом поэта — поэта в химически чистом виде».

Враждебное ему русское зарубежье называло его «жутким маэстро, собирающим букеты из цветов зла».

В дни столетия со дня рождения Георгия Иванова (1894—1958) к нам возвращается талантливое и противоречивое имя, практически вычеркнутое из истории русской литературы. Трехтомное собрание сочинений, выпущенное издательством «Согласие», открывает почти неизвестного на родине блестящего мемуариста, поэта, переводчика английской и французской поэзии, оригинального литературного критика.

Безоблачное детство в родовом имении, с собственным островом, флотом и шотландским пони, с домашними концертами

и фейерверками, с портретом прабабушки, написанным Левицким. Литературный дебют — ранний даже по тем временам. Первая книга стихов «Отплытие на о. Цитеру» была отмечена рецензиями Брюсова, Гумилева, Лозинского. Впоследствии Иванова или безоглядно бранили, или хвалили. Сегодня читателю предоставляется возможность самому разобраться в противоречиях юбиляра и насладиться его пером, а литературному критику — заполнить пробелы касательно литературы Серебряного века.

В мемуаристике той поры Г. Иванов занимает особое место, несмотря на крайне резкие отзывы об этой стороне его творчества Ахматовой, Цветаевой, Северянина. В «Петербургских зимах», вспоминает Нина Берберова со слов Иванова, «семьдесят процентов выдумки и двадцать пять правды». Писателя не занимает временная последовательность, точность дат и деталей, он пишет как бы для себя. Число литературных портретов огромно: от Блока, Гумилева,

Есенина, Северянина, Хлебникова до братьев Крученых, Бориса Садовского, Давида Бурлюка, Тинякова-Одинокова и др. В «Петербургских зимах» представлен огромный пласт русской культуры, содержатся бесценные сведения о литературных направлениях, легендарных артистических «притонах» и аристократических собраниях.

Прозаические жанры в наследии Иванова самые разнообразные — и незаконченный роман «Третий Рим», и художественное исследование «Книги о последнем царствовании», и поэма в прозе «Распад атома».

В своем творческом наследии он предстает тонким созерцателем, то насмешливым до цинизма, то беззащитно-искренним. Но талант видеть жизнь с разных ракурсов, беспощадность к себе дают ему право сказать: «Мне исковеркала жизнь талант двойного зренья». И этот же талант сохранил творчество Георгия Иванова.

Ольга МОРОЗОВА